

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДНЕ ТЕКУЩЕМ И ГРЯДУЩЕМ.

В череде циклически следовавших явлений, майские события стали довольно поучительными, из которых можно извлечь немало полезных уроков. Беспристрастный анализ этих событий становится теперь задачей первостепенной важности не только для аналитиков. К ним наше общество шло уже давно. Волнообразно нараставшая в последние годы внутрисоциальная напряженность, как и следовало ожидать, привела к взрыву, к серьезным потрясениям, существенно изменившим политическую ситуацию в стране. Если до 27 мая с.г. сознание общества фокусировалось на вопросе «как это долго продолжится?», то к концу этого дня участники митинга расходились, вопрошая «а что же будет дальше»? Словно в одночасье люди лишились привычной ситуации, когда в жизни общества все повторялось. Благо, в таких условиях, в условиях повторяемости жизненных реалий, нетрудно было представить социальное будущее. Теперь же, в течение дня, они оказались в иной, непривычной для себя ситуации, когда будущее покрылось туманом неизвестности.

Однозначного ответа на вопрос, будоражащий сознание людей, в обществе еще нет. Нет каких-либо социальных проектов развития общества ни у правительства, ни у оппозиции, по которым можно было бы простым гражданам ориентироваться на будущее. Правда, свое будущее они связывают с государственной независимостью Абхазии, но не могут сколько-нибудь зримо представить его (будущее) социальный образ. Они не хотят мириться с порядком вещей, сложившимся в обществе, но не знают, как его изменить к лучшему. Очевидно, все хотят жить лучше, но далеко не все знают, как можно этого добиться. Лишь немногие могут знать, как можно улучшить жизнь простых граждан. Смогут ли немногие, обладающие такими знаниями, повлиять на политическую ситуацию в стране, или же каждый раз оппозиция будет звать народ к «топору»?

При этом житейская мудрость подсказывала людям, что улучшить свою жизнь, ничего не меняя в жизни общества, вряд ли возможно. Коль скоро власть, на которую они возлагали свои надежды, не оправдала их доверия, то им самим пришлось действовать по принципу: «судьба утопающих – дело рук утопающих». Но в предпринятых ими действиях таится немало рисков, хотя нельзя не отметить и того, что бездействие тоже таит в себе определенные риски. Именно бездействие властей привело людей к театральной площади.

Нетрудно понять, что суть майских событий не исчерпывается лишь в «добровольной» отставке президента и его команды. Смена власти не самоцель. Президент «добровольно» ушел, но наследие его осталось, а что с ним делать? Еще более важным представляется, как сами участники событий понимают свою роль в жизни общества и следствие предпринятых ими действий? Смогут ли они разумно, в своих интересах, в интересах общества, реализовать открытую ими перспективу в развитии страны или же она будет отдана на откуп действующей политической конъюнктуре? И вообще: как все это аукнется в будущем?

Рационально осмыслить и понять существо событий, о которых здесь идет речь, можно, рассматривая их в причинно-следственном контексте. На фоне наметившихся за последнее время позитивных сдвигов, достигнутых в первую

очередь благодаря российской помощи, ситуация все же оставалась сложной. Люди устали от беззакония, беспорядка и чиновничьего произвола. Они не могли рассчитывать на качественное образование, социальный рост, медицинские и другие услуги. Рост организованной преступности и коррупции, использование структур власти в качестве инструмента наживы сводило на нет исторические завоевания народа. Продолжалось размывание социальных, прежде всего, морально-психологических, устоев общества, что угрожало самому его существованию. Система власти и управления, сложившаяся после войны, оказалась малоэффективной в защите прав граждан и нуждалась в серьезных преобразованиях. Но вносить в нее какие-либо изменения власть не собиралась, в силу чего влияние государственных органов управления все более снижалось. Людям приходилось в обиход правовых норм жить по понятиям, что служило источником различных коллизий во взаимоотношениях между ними.

Все это привело к ситуации, когда «низы» не хотели так жить дальше, а «верхи» не могли по-другому управлять. «Низы» нищались, а «верхи» продолжали обогащаться. Контраст между ними стремительно разрастался, следствием чего и стал раскол общества на «сторонников» и «противников» власти. Кризис, переживавшийся страной, углублялся и принимал непомерные масштабы. Между тем власти и не помышляли о разработке и реализации какой-либо специальной антикризисной программы. Свое высокое положение в обществе они поддерживали, имитируя государственную деятельность и эксплуатируя завоевание народа, прежде всего, идею суверенности Абхазии. За все послевоенные годы они так и не предложили обществу ни одного специально разработанного и апробированного государственного проекта, направленного на решение накопившихся в обществе проблем. Исключение, пожалуй, составлял «Комплексный план содействия социально-экономического развития Абхазии», направленный на восстановление объектов, главным образом, социального назначения и выполняющийся на основе российской финансовой помощи. Именно этот план преподносился общественности в качестве стратегии развития страны. Проводившаяся властями экономическая политика строилась главным образом на российской дотации. Что же касается создания собственной экономической базы социального развития, то оно оставалось вне поля их деятельности.

В условиях разраставшегося кризиса значительная часть общества стала испытывать гнетущую потребность в улучшении своих жизненных условий. Она хотела жить лучше и ожидала от новой власти осуществления конкретных действий, направленных на позитивные перемены в ее жизни, но этого не происходило. При этом у недовольной массы людей не было каких-либо механизмов влияния на власть ею же избранной. В ситуации, в которой она оказалась, ей приходилось действовать по принципу: коль скоро власть нарушает законные права человека, то ему самому следует защитить свои права. Такое право человека (народа) заложено в основу любой конституции, действующей в правовых государствах, в том числе и нашей - (статья 2). Это не мешало бы знать тем, кто поспешил квалифицировать действия протестующих, как неправомерное.

События, о которых здесь идет речь, можно по-разному рассматривать. Можно их рассматривать даже сквозь призму закона сохранения и превращения

энергии. Хорошо известно, что когда социальная энергия, как и природная, накапливается и не реализуется по ее естественному назначению, она становится источником взрывов и потрясений. Высвобождающаяся при взрыве энергия из созидательной силы часто превращается в трудно управляемую и разрушительную стихию. Людей вывело на театральную площадь не только и не столько призывы оппозиционных сил, сколько их протестное настроение. Они не могли разумно реализовать свой социальный потенциал и самим обустроить свою жизнь. Само протестное настроение участников митинга было превращенной формой выражения накапливавшейся в них и не реализовавшейся ими энергии. Власть (исполнительная) могла и должна была использовать эту энергию в интересах общества, прежде всего, самих людей, и добиваться решения многих остро звучавших на митинге проблем.

Но власть этого не делала. Она выстраивала другую схему социальной деятельности. По логике этой схемы людям не приходилось особо беспокоиться о своей судьбе. От них требовалось лишь активной поддержки власти. На таких условиях они могли рассчитывать на улучшение своей жизни, скажем, через льготное кредитование. Порой такие кредиты выдавались даже на проведение ритуальных мероприятий. Но если кому-то и приходилось невмочь, он мог обратиться к высшему должностному лицу и просить о помощи. Власть таким образом превращала людей в обузу государства, в своеобразных некрасовских ходоков-просителей. Не особенно стремилась она к формированию таких экономических условий, при которых люди сами могли решать свои проблемы. Распределение наличных жизненных ресурсов осуществлялось не через рыночные механизмы, а властью.

Такая практика, как нетрудно заметить, ограничивала поле социальной деятельности людей, снижала уровень их созидательной дееспособности. Причем, чем больше суживалось поле их социальной деятельности, тем больше становились они зависимыми от власти. Они оказывались не востребованными, не включенными в социальный процесс. Их интеллектуальный потенциал все шире заменялся более дешевым и выгодным чиновникам гастербайтерским трудом.

Предложенная властью искусственная схема предписывала нашим гражданам вести определенный образ жизни – «ничего неделание». Вскоре сама власть, как бы пытаясь уйти от ответственности, стала винить их за такой образ жизни. В обществе стали муссировать различные мифы, слухи о «традиционной абхазской лени», о «некой социальной недееспособности абхазов» и др., посредством которых она пыталась объяснить истоки существующих в обществе проблем и оправдать себя.

В то же время такая схема, внедрявшаяся в сознании наших граждан не одним только последним президентом, способствовало гипертрофию власти, концентрации ее в личности высшего должностного лица, тем самым смещению таких политических ценностей, как государство и власть. По существу происходило размывание идейных основ национальной государственности. Людям предлагалось думать, что государство – это личность высшего должностного лица (президента). Не государство, не закон, а именно это лицо реально облада-

ло наибольшими полномочиями в их жизни. Оно (лицо) как бы возвышалось над государством, над законом, над обществом.

На первый взгляд, казалось, будто выстроенная таким образом конструкция политической жизни общества вполне устраивала народ. Так думали многие представители элитного сообщества, которые довольно скептически оценивали социально-политическую дееспособность его. Видимо, так думала и власть, которая уже не особенно считалась с мнением и интересами народа. Но майские события показали, что мириться с произволом власти народ больше не будет. Потеряв доверие к власти, да и к своей элитной части, он решил самому защитить свои конституционные права. Вновь, как в былые времена, он сам решил защитить себя от нависшей над ним угрозы, на этот раз внутренней. Выходит, что наш народ не утратил еще своего достоинства, политического чутья, уважает себя и хочет быть уважаемым. Он хочет быть субъектом своей жизни и это его естественное право, закрепленное в действующей конституции. Он может работать и хочет жить лучше. И это тоже его законное право. Он может быть доволен собой и властью не тогда, когда его поят и кормят, а лишь тогда, когда он сам, по своим меркам и вкусам, обустроивает свою жизнь. Государство не кормилица и не самоцель, а инструмент, посредством которого народ обустроивает и защищает себя от внутренних и внешних угроз.

Расчищать социальное пространство от завалов, образовавшихся здесь за последнее более чем десятилетие, придется новой власти, прежде всего исполнительной, формирование которой сегодня начинается. Может показаться, что это почти непосильная задача, но от ее решения не уйти. Главное здесь начать эту работу. И начинать ее надо с преобразования (реформирования) системы власти и управления с целью повышения ее эффективности. Но сколько бы ни совершенствовать политическую систему, эффективной она не станет, если обслуживающий ее чиновничий персонал не отвечает предъявляемым ему моральным и профессиональным требованиям. Только люди, готовые бескорыстно служить интересам нации и профессионально компетентные управлять страной, могут обеспечить успех системы. Без команды, состоящей из таких людей, одному президенту, какими бы полномочиями он не обладал, вряд ли удастся вывести страну из состояния стагнации. Время, когда один президент правил страной «по образу и подобию своему», уже прошло и народ возвращаться к нему не хочет.

Иначе говоря, не продолжать имитационную деятельность, а начинать строительство действительно правового государства, в котором нашим гражданам жить будет удобно, выгодно и безопасно. Они должны реально почувствовать, что выстраданные ими перемены жизни уже начались. Причем, они должны это почувствовать уже сегодня, после президентских выборов. Времени на раскачки у новой власти не будет. Только в этом случае она может рассчитывать на уважение и поддержку народа, на успех в укреплении своей легитимности. Власть, которая не может управлять страной и не поддерживается большей частью электората, легитимной считаться не может.

Новой власти следует так же учитывать: создать такое государство, в котором граждане его будут чувствовать себя в социальной и политической защищенности, без их участия одна она, как показывает послевоенная практика, не

может. Важно их социальную энергию, их интеллектуальный потенциал целенаправленно использовать в интересах общества, в первую очередь в совершенствовании государственного устройства страны. Люди должны чувствовать себя полноценными участниками социальной, в том числе, и государственной жизни. Если власть будет уважать свой народ, то и она будет уважаемой.

Еще одно извлечение из событий, о которых здесь идет речь. Непосредственно наблюдая за ними, мне показалось, что не совсем они вписывались в формат мероприятий, проводившихся ранее оппозицией. Майский митинг заметно отличался от предыдущих по составу участников, их поведению и результатам. Власть попыталась организовать альтернативный митинг, но из этого ничего не вышло. Почувствовав всю опасность такой затеи, люди и с одной и с другой стороны воздержались от открытого противостояния. Власть вновь ошиблась в них. Правда, среди участников оппозиционного митинга было и таких, мало отличавшихся от тех, против которых они выступали. Но если абстрагироваться от них, от эмоциональных и иных издержек и попытаться схватить и выразить суть митинга, то она напоминала мне те народные сходы прошлого века, участником которых мне довелось быть. В целом участники майского митинга не были какой-то серой и безликой массой. Они были самоуправляемыми. Уместно в этой связи вспомнить сход, состоявшийся на лыхненской поляне 4 марта 1978г. и проходивший с участием почти всего руководства Абхазии. По официальным данным в нем участвовало более 40 тысяч людей.

Как бы оценивая поведение участников схода, в частности, с каким тактом и достоинством они осуждали действия грузинских властей, проводивших антиабхазскую политику руками абхазских руководителей, первый секретарь Абхазского обкома партии В.М.Хинтба признавался: «оказывается, не совсем верно представлял я свой народ». В том политическом контексте – это было мужественное и мудрое признание. Вскоре он был освобожден от высокой должности в Абхазии и приглашен в Тбилиси на новую должность. Но от этого предложения он отказался, предпочитая оставаться со своим народом. Он и сегодня в добром здравии и заслуженно пользуется уважением в обществе.

На следующий день здесь побывали высокие делегации ЦК КПСС и ЦК КП Грузии во главе Бровикова (зам. секретаря ЦК КПСС Капитонова) и Шеварднадзе. Делясь своими впечатлениями о пребывании в Лыхны, через день на встрече с общественностью республики Бровиков говорил: «я был на этой поляне. Трудно мне поверить, что днем раньше там собралось 40 тысяч человек. Ведь ни одного официально зарегистрированного происшествия? На поляне я не заметил ни одной помятой травки, ни одной ненароком брошенной окурки или бумажки. Все было чисто и аккуратно».

Или же другой сход, состоявшийся на той же поляне в 1989 году в связи с нараставшей тогда угрозой над нашим народом. И на этот раз собралось десятки тысяч людей, среди которых было все руководство республики. Обращение в адрес высшего политического руководства СССР, принятое на сходе, первым подписал первый секретарь Абхазского обкома КП Грузии Б.В.Адлейба. На следующий день он был освобожден от занимаемой высокой должности, но народ

не оставил в беде. Он ездил по городам и районам, встречался с простыми людьми и призывал их к выдержке и спокойствию.

Еще более разительным является образ Владислава Ардзынба, которому пришлось в 1992г. принять невероятно трудное и ответственное решение. Но он не дрогнул перед смертельной угрозой, не бросил свой народ на произвол судьбы, а решил испить вместе с ним горькую чашу до дна. Ему хватило мужества и мудрости в понимании своей морально-политической ответственности перед своим народом.

В этом ракурсе, в ракурсе народ и лидер, особый интерес представляет фигура Н.А.Лакоба. Здесь достаточно отметить лишь небольшой штрих: сколько уговаривали Нестора члены семьи в тот роковой вечер воздержаться от поездки в Тбилиси! Они хорошо понимали, какие свинцовые тучи сгущаются над ним. Понимал это и Нестор, но он думал не только о своей судьбе! И он поехал, чтобы ценой своей жизни спасти народ!

В действиях лидеров Абхазии прошлого столетия, при всех их личностных различиях и политических обстоятельствах, просматривается нечто общее: когда им приходилось в экстремальных условиях решать роковой вопрос с кем они – с руководящей политической конъюнктурой или народом, они выбирали последний. К сожалению, эта традиция была нарушена во время майских событий. Но ценой таких издержек мы начинаем лучше понимать, как важно знать и ценить свою историю.

Однако вернемся к вопросу о сходе. После всего того, что мы пережили за последнее время, мне казалось, что культура народного схода нами уже утеряна. Оказывается, нет! Элементы ее (культуры) хранятся еще в памяти нынешнего поколения. По крайней мере мне так показалось утром 28 мая с.г., наблюдая, как ночевавшие под открытым небом участники митинга убирали за собой мусор. В их поведении и отношении друг к другу хорошо просматривалось чувство солидарности, некое коллективное эго, которое управляло ими, сдерживая их от деструктивных действий. Они защищали себя, свое достоинство, а не награбленное, как иные. Выходит, что они являются носителями достоинства, с которым расстаться не хотят? И это в наше время, в век глобализации, когда нажива, деньги и другие товары и услуги становятся всеобщей и высшей ценностью? Не означает ли это, что нынешнее поколение еще сохраняет преемственную связь с предыдущими? Стало быть, связь времен не совсем прервана, как порой нам кажется! Не означает ли это, что идея народного схода, как института, функционировавшего довольно эффективно на протяжении многих столетий, еще не забыта?

Здесь напрашиваются и другие параллели. Почти все народные сходы, проходившие в прошлом веке, заканчивались сменой власти автономной республики. И это в советское время! Так произошло и сейчас.

Но раньше, в прошлом веке, этот институт использовался в защите от внешних угроз. Каких-либо серьезных страхов от внутренних угроз тогда мы не испытывали. И в постсоветское время, особенно, после образования суверенной абхазской государственности, нам казалось, что нашему внутреннему единству и сплоченности ничего не угрожает. Но жизнь внесла в наши представления свои

коррективы. Теперь нам приходится противостоять и внутренним угрозам. Коль скоро так, то следует генерировать и средство противостояния. Здесь можно было бы, на мой взгляд, использовать тот политический потенциал, которым обладает еще наш народ. Не следует ли в этой связи возрождать институт народного схода? Разумеется, не для того, чтобы через него производить смену власти. Как раз для того, чтобы через этот институт власть и народ могли взаимодействовать в интересах общества и возникающие между ними противоречия не доводились до открытого противостояния.

Тем более важен такой институт, поскольку политическая роль народа в обществе все более минимизируется и сводится теперь к участию лишь в избирательных компаниях. Народ все более превращается в объект управления и влияния. Нет еще в обществе полноценных политических институтов, гражданских структур и других правовых механизмов, через которые он мог бы выражать и отстаивать свои интересы.

Важно здесь и другое: коль скоро этот институт существует в сознании народа, он может быть использован и в спекулятивных целях. Чтобы избежать этого, можно было бы официально определить его правовое положение и задачи, решением которых он может и должен заниматься. Эффективным инструментом он может стать лишь в том случае, когда адекватно включен в контекст современных политических реалий.

Свои наблюдения и извлечения, которые здесь изложил, не бесспорны. Но одно несомненно: новой власти придется серьезно призадуматься над тем, как использовать социально-политический потенциал народа в его же интересах. Ей придется четко и строго определить свое отношение к коррупции, развести в соответствии с нашим законодательством бизнес и власть, провести комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на восстановление силу права и национальных ценностей в жизни общества. Ей придется провести демонтаж той финансовой пирамиды, которая досталась нам в наследство от прежней власти. И если в чиновничьих креслах вновь будут восседать люди во имя реализации своих узкокорпоративных бизнес-проектов, то на этом лимит нашей государственности может быть исчерпан. Насколько серьезны планы тех, кто сегодня идет во власть, мы узнаем скоро. Это время не за горами.

Философ О.Н.Дамена

Г. Сухум, июнь 2014г.